

Первое, что случилось, это то, что в тот день над ним издевался этот ублюдок Сюй Яотин.

"Это... это все?" Танг Ксиньи замер надолго, прежде чем задать глупый вопрос.

На самом деле, что касается слов Бай Ди, каждого из них было достаточно, чтобы обезглавить голову Ван Донга, но когда Тан Синьи узнал, что Ван Донг не сделал то, что она представляла себе, все это сразу же стало мутным и неторопливым. Сердце, как будто у него выросли крылья, вот-вот взлетит.

"Это все? Синь И, ты моя хорошая сестра или нет, он так издевался надо мной, ты... почему тебе, кажется, не хватает?" Бай Ди посмотрел на Тан Синьи с гримасами и сказал.

"Моя принцесса, где ты такая же несчастная, как и я! Ты не знаешь, что я оскорбил семью бабушки Сю Яотина, чтобы вызвать у тебя негодование. В результате получилось так, как ты можешь позволить мне иметь лицо, чтобы встречаться с людьми в будущем".

Выражение Тан Синьи, неспособное передать горечь, было похоже на глотание двух фунтов Хуань Ляня на одном дыхании.

Белая бабочка кашлянула и сказала: "Это тоже моя вина, я не дала тебе ясно понять. Но опять же, меня издевался Сюй Яотин, это ты ошибаешься, ясно?"

Видя, что Тан Ксиньи был как муравей на горячем горшке, ходил туда-сюда снова и снова, не в силах остановиться, брови орла Бай Ди вдруг сгруппировались, открыла рот и спросила: "Ксиньи, ты... ты же не думаешь, что тебе нравится этот парень Сюй Яотин, правда?"

"А? Как такое может быть! Конечно, нет, он мне понравится, принцесса, не шути, невозможно... невозможно...." Тан Синьи был занят тем, что неоднократно отрицал это, но это бессердечное выражение, даже она не могла обмануть себя, как она могла обмануть Белую Бабочку?

"Синь И", если тебе действительно нравится Сюй Яотин, это хорошо. Наш союз с семьей Сюй будет полностью упрочен, это беспроблемная ситуация! Иначе, как принцесса, я бы лично пошла к семье Сюй, чтобы сделать предложение о браке?"

"Нет, нет, нет! Моя принцесса, это..."

Где ты собираешься сделать предложение? Пока ничего страшного, так что не спешите решать! Кроме того, я так обидел Сюй Яотея, что только справедливо, что он согласился бы!"

Ты так волнуешься и нервничаешь, что просто обманываешь себя! Не волнуйся, Сюй Яотин, по крайней мере, мужчина и не такой узкий, как ты думаешь. Он наверняка простит тебя!"

Как она сказала, разум Бай Ди вспомнил сцену дуэли с Ван Донгом в заднем саду в тот день. Белые одежды струились, а манеры были лихими, изящными и грациозными, что не было преувеличением для описания четырех слов "нефритовый ветер". Среди его смешанных мыслей, белая бабочка вдруг почувствовала румянец на ушах и горячее лицо, и ее сердце дико стучало, поэтому она поспешила сделать глубокий вдох, чтобы немного успокоиться.

Услышав утешение принцессы Бай Ди, Тан Синьи не мог не рассмеяться, сердце Ван Донга действительно не было узкомысленным. Иначе было бы не так быстро простить ее и сделать так много, чтобы помочь ей. Только в этот раз она, похоже, слишком сильно обидела людей. У

Ван Донга есть сердце, но и темперамент!

Чем больше вы думаете об этом, тем более грязным становится сердце Тан Синьши, и в конце концов сердце болит и болит вместе с мозгом, поспешно заставляя себя перенести внимание в другое место, иначе он должен получить внутренние травмы.

"Кстати, принцесса, ты только что сказала, что на днях на заднем дворе ты встретила убийцу?"

Бай Ди кивнул и сказал: "Похоже, он все еще друг Сюй Яотина". Кстати говоря, Сюй Яотин - довольно праведный человек, я думаю, он сделает все, что угодно для друга".

Изначально Тан Синьши хотел отвлечь ее внимание, поэтому она случайно спросила, но ответ Бай Ди заставил ее сердце немедленно начать снова болеть. Оглядываясь назад, недавние события между ней и Ван Донгом, Ван Донг не только праведен, он также много чего сделал, и он также единомышленник, защищая Тан Синьши, думая о ней и помогая ей во всех отношениях, есть бесчисленное множество вещей.

Для сравнения, она, Тан Синьши, не очень интересна. Недоразумения повторялись несколько раз, даже не давая им возможности объясниться, кто на самом деле относился к ним как к друзьям? На мгновение, несравненная вина заполнила все сердце Тан Синьши, что делает ее почти бездыханной.

"Пуф!"

Когда Тан Синьши находился в состоянии растерянности, Бай Чжэншань, лежавший в **, внезапно встал и выплюнул изо рта полные кровавых стрел, а затем тяжело упал обратно в **.

"Отец!"

"Ваше Величество!"

Бай Ди и Тан Синьши находились в состоянии растерянности и спешно набросились на них, чтобы проверить. Только для того, чтобы увидеть, что лицо Бай Женьшаня было более серое и побеждено, чем когда-либо, и его дыхание почти остановилось, признак того, что он был в состоянии показать только в момент его смерти.

"Отец, ты не должен умереть! Если ты умрешь и оставишь свою дочь в покое, как ты сможешь сохранить королевство?" Белая Бабочка полностью потеряла привычное спокойствие и темперамент, и в этот момент она была похожа на беспомощного ребенка, плачущего вслух.

Сердце Тан Синьши опустилось на дно, и ситуация до сих пор неясна, если бы Бай Чжэншань в это время покинул мир, то Бай Ди, вероятно, столкнулся бы с катастрофой.

"Принцесса, не паникуй ни на минуту, я спрошу Солнечного Мудреца!"

"Да, да, да! Синь И, уходи немедленно, быстрее!" Слова Тан Синьши напомнили Бай Ди и она была занята криками.

"Нет, я иду!" Прежде чем слова Бай Ди были услышаны, Сунь Даобай уже поспешил зайти снаружи зала.

В зале Бога Дракона только Белая Бабочка, Танг Ксиньши и Сунь Даобай также были допущены к свободному входу и выходу без предварительного уведомления.

Когда он увидел Сунь Даобай, Бай Ди и Тан Синь, они увидели мерцание света в бесконечной темноте, и Бай Ди наткнулся на Сунь Даобай, ее голос, полный мольбы: "Старое Сунь, ты... ты должен спасти Отца, несмотря ни на что, не дай ему умереть, пожалуйста, умоляю тебя!"

Белая бабочка собиралась встать на колени, но Сунь Даобай был слишком занят, чтобы остановить ее, говоря: "Принцесса не обязана этого делать, я сделаю все, что в моих силах"!

Говоря это, Сунь Даобай подошел к кровати Бай Чжэншана, только чтобы увидеть лицо Бай Чжэншана, прежде чем он смог принять свой пульс, его брови не могли не морщиться. Что касается только черт лица, то Пэк Чжэнь Шань уже был почти неотличим от мертвеца.

В эту ночь Сунь Даобай был дома, он был настолько рассеян, что не мог уснуть, поэтому беспокоился, что с Бай Женьшань что-нибудь случится.

(конец главы)

<http://tl.rulate.ru/book/39777/883027>